

Еричев Александр Александрович

ВОЛШЕБНАЯ ОПЕРА

16+

Александр Еричев
Волшебная опера

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Еричев А. А.

Волшебная опера / А. А. Еричев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Чтобы вас считали гением, мало просто быть таковым. Необходимо подтвердить это, заявить о себе, предоставить на суд общественности нечто гениальное. Герберт придумал новое изобретение, которое навсегда вписало бы его имя в историю. Но тёмные желания поработили его душу, когда он приобрёл себе раба. Мальчишка не имел понятия, в какую жестокую игру с ним играет хозяин. Но ничто не может продолжаться вечно...

Александр Еричев

Волшебная опера

Кажется, это было всё-таки осуществимо.

Герберт фон Гойзнер ощущал лёгкий внутренний трепет и душевный подъём, сравнимый разве что с тем, когда он составлял удачную партитуру для своей новой оперы. Но то, что родилось у него в голове, было чем-то безусловно необыкновенным. Наверное, Жозеф Плато чувствовал нечто такое же, когда придумал своего «обманщика зрения». Но то была лишь персистенция, незаурядная инерция человеческого зрения, общеизвестная ещё в Китае. А ведь фенакистископ Плато, по сути своей, был трансформацией дедалеума китайского образца 180-го года нашей эры, который был изобретён Дин Хуанем. Но мировое сообщество считало дедалеум наследником, а не прародителем. Герберту думалось, что Уильяма Джорджа Горнера это мало беспокоило, ведь именно он, а не китаец древности, известен миру, как человек, придумавший это устройство.

В свою очередь его изобретение, находящееся сейчас лишь в стадии выдумки, будет куда более грандиозным и сумеет оживить его произведения, наполнив их тем самым волшебством, какое сам он всегда видел в них.

Герберт размышлял об этом, пока его прекрасная жена Элизабет стонала под ним. Да, он считал её настоящей красавицей, к тому же благовоспитанность Элиз ему импонировала с самого момента их знакомства в Париже, на той самой премьере балета «Сильфида» в Гранд-Опере, когда неподражаемая Мария Тальони исполнила немыслимый танец на пальцах ног. Однако консервативность жены его утомляла. Он исполнял свой супружеский долг без энтузиазма и настоящего желания, лишь имитируя и то, и другое, буквально принуждая себя к эякуляции. Они были женаты уже три года, и каждый день последнего из них он задавался вопросом, как же он решился на такую глупость?

Наконец, всё было закончено, и Герберт повалился рядом с супругой, закрыв глаза и чувствуя невыносимое отвращение к Элиз, которая тут же прильнула к нему и нежно поцеловала в щёку.

– По милости Божьей, этот акт любви принесёт нам с тобой дитя, мой любимый муж.

Она всякий раз уповала на вымышленного бога, прекрасно зная его отношение к этому вопросу. Сам Герберт был человеком науки, верящим в силу только лишь сознания и воображения. И пусть многие светские прогрессивные изобретатели и учёные не ставили его с собой в один ряд, он считал себя к ним принадлежащим, потому что создание столь безукоризненных партитур, какие производил он и по которым ставились производящие фурор оперы, требовало действительно высокого интеллекта и гибкости ума. А когда он изобретёт то, что придумал недавно, то всем придётся признать его уже как выдающегося многогранного гения.

– Герби?

Он не смог сдержать вздох разочарования.

– Что случилось, Элизабет?

Она помолчала. Потом задала вопрос, ответа на который он не знал:

– Ты любишь меня?

Он хотел сказать ей, что любит только то, что делает, любит ноты и то, как они образуют цельное произведение, любит и то, как готовое произведение воздействует на слушателей во всех уголках культурного мира, навсегда прописывая его имя в анналы истории. Но разве женщина способна понять это? И разве она это хочет услышать?

Ему казалось, что он никогда никого и не любил. Ни родителей, которые души в нём не чаяли и дали ему лучшее образование, на которое он мог только надеяться. Ни друзей, имена

многих из которых он даже не сразу мог вспомнить. Ни жену, по дурости своей на которой однажды женился.

– Я уважаю тебя, Элизабет. И мне льстит то, что могу представлять тебя людям, как свою супругу.

Видимо, ответ её устроил, раз она продолжала лежать так, как и лежала, положив ладонь ему на грудь.

– Ты точно хочешь отправиться со мной? Не буду ли я тебе обузой?

Она говорила об их плане побывать в далёкой Бразилии, куда его пригласили скучающие управленцы из регентского совета, уроженцы Португалии, желающие вновь ощутить вкус Старого Света. А ведь ничто так его не передаёт, как отличная опера. И нет, он предпочёл бы отправиться один, но светское общество этого не поймёт, а ему не хотелось становиться жертвой сплетен и судачеств, способных подпортить ему репутацию.

– Нет, Элизабет, ты станешь моей путеводной звездой и оберегом в этом путешествии.

Она поцеловала его в плечо.

Он мало помнил само путешествие. Отчётливым в памяти оставалось только колыхание волн и нескончаемость происходящего.

Теперь его звали Жан. У него наконец-то появилось собственное имя, которое ему дал его новый хозяин. Не то, чтобы ему оно было нужно, ведь предыдущий называл его просто мальчиком, но собственное имя, лишь своё, согревало его изнутри.

– Жан. – он вновь произнёс это имя, смакуя его мягкость и необыкновенность. Там, где он рос, такого имени не было. Во всяком случае, сам Жан никогда его не слышал.

– Жан.

Мальчик улыбнулся. Уже давно взошло солнце, а он всё ещё был в постели. Жан привык просыпаться до рассвета, вместе с остальными, ведь иначе мог заработать несколько плетей или что похуже. Например, остаться без еды или воды на весь день. И первое время здесь он вскакивал с постели, одевался и бежал во двор, чтобы с удивлением обнаружить его пустым. Потом хозяин сообщил ему, что здесь нет плантации, нет скота, и пока нет никакого хозяйства. Этот большой дом, который назывался помещьем, совсем недавно был приобретён и ещё не был обжит. Во всяком случае, это были слова хозяина, а что они означали, мальчик не совсем понимал. Одно он усвоил – он может спать утром, не боясь наказания.

– Жан. – он аж причмокнул от удовольствия.

На новом месте он впервые спал один в отдельной комнате, в которой больше никого не было, даже крыс или куриц. И это вселяло в него тревогу, объяснение которой он не мог найти. Но также он впервые спал на настоящей постели. Жан даже представить не мог, что бывают такие мягкие лежанки. Он будто утонул в ней. Это обстоятельство очень помогло ему в скором времени одолеть тревогу. Постель и тишина. Тишина ночи убаюкивала его, ведь он мог слышать своё дыхание и своё сердце, и ничего более. В стенах комнаты не было щелей, они были обклеены какой-то красивой бумагой, а окна, которых было даже два, будучи закрытыми, магическим образом отсекали звуки ветра и пение птиц.

Жан решил, что его новый хозяин – колдун. Однажды он слышал, как старый раб, который жил с ним в одном сарае, рассказывал остальным о том, что в его племени на далёкой земле, откуда он был родом, могущественные колдуны способны проклясть любого и становиться невидимыми, управлять погодой и подчинять львов (таких огромных страшных хищников с острыми зубами и когтями, покрытых золотой шерстью). Мальчик живо рисовал в уме родину этого мужчины, единственного седого раба среди них, чья спина являла собой один большой шрам. Он видел перед мысленным взором прекрасные долины, где люди поклонялись колдунам, которые жили в больших домах и убивали львов одним своим словом. Конечно

же, те львы, которых он себе представлял, не имели ничего общего с реальным образом этого хищника, ведь сам мальчик никогда и не видел живого льва, а пространное описание старика не могло дать ему понятную картину.

Но его новый хозяин уж очень был похож на колдуна. Во-первых, он отличался цветом кожи от всех, кого Жан видел прежде. Она была цветом молока. Во-вторых, он привёз его через большую воду на далёкую землю, на которой всё было иначе. В-третьих, дом хозяина был не просто большим, он был огромным. Мальчик не решался гулять по нему, хотя ему это не запрещалось. За те несколько дней, что он жил здесь, он изучил только кухню, столовую, свою комнату и хозяйственную пристройку, в которой хранилась различная утварь и инструменты.

Жан поднялся с постели и потянулся, зевнув. Подойдя к окну, он взобрался на подоконник и обомлел от представшего его глазам зрелища. Его сердце сжалось от страха, он не понимал, что произошло с миром. Там, за окном, всё внезапно побелело.

– А, ты уже встал! Отрадно это видеть! – голос хозяина застал его врасплох, и он чуть было не упал на пол. Соскочив с подоконника, мальчик выпрямился в струнку и испуганно смотрел на своего господина.

– Жан, мой мальчик, тебе не следует бояться меня. Отныне ты – часть этого дома, этого мира, часть моей жизни и часть меня, как следствие.

Хозяин подошёл ближе к нему и сел на корточки напротив. Когда он протянул руку, Жан зажмурился, ожидая, что тот ударит его по голове, но вместо этого господин взъерошил ему волосы.

– Настанет день, когда ты перестанешь бояться, обещаю тебе, Жан. – он поднялся и взял мальчика за руку. – Пойдём, я покажу тебе кое-что волшебное.

Жан весь внутренне напрягся, но, конечно же, сопротивляться не стал. Всё-таки хозяин был колдуном. Страх перемежался с трепетом в его душе, ведь сейчас он увидит что-то магическое.

Они вышли во двор. Непривычно холодный воздух щипал нос и щёки, пронзая множеством невидимых иголок каждый участок кожи мальчика, неприкрытый одеждой. Какая-то белая пыль падала с неба, сверкая на солнце.

Жан сделал шаг за порог следом за своим господином и услышал, как под ногой что-то хрустнуло. Он испуганно отскочил назад, вырвав свою руку из ладони колдуна.

– Смелее, мой мальчик! Это всего лишь снег.

Жан собрал свою волю в кулак и снова шагнул за порог. Мягкий хруст под ногой повторился. И каждый новый шаг сопровождался им.

– Возьми его в руки и скатай в шарик, вот так... – хозяин наклонился, собрал белую пыль руками и, выпрямившись, показал, как сделать из неё шар, сжимая и разжимая ладони. – Попробуй!

Мальчик повторил действия господина, боясь его подвести. Пальцы жёг холод, пыль, к его удивлению, легко собиралась в плотный шарик. И превращалась в воду.

– Молодец! А теперь брось его вон в то дерево! – и сам метнул шарик в стоявший неподалёку раскидистый дуб. Снежный шар впечатался в ствол дуба с глухим стуком.

Жан восторженно наблюдал за происходящим, затем размахнулся и бросил свой шарик следом, но промазал, и тот, пролетев мимо, упал в белую пыль сбоку от него. Мальчик с ужасом поглядел на господина, ожидая наказания за свою неудачу.

– Ничего страшного! В следующий раз попадёшь. Ну, а пока пойдём внутрь, такому малышу не стоит быть подолгу на улице в такой холод.

Они вернулись в дом.

Герберта никак не отпускали две мысли. О его изобретении, идею которого он всё ещё держал в голове, несмотря на все те разительные изменения, что произошли в его жизни.

И Жан.

В прогрессивной Европе рабовладение порицалось светским обществом, в отличие от далёкой Бразилии, где за пригоршню монет можно было купить человеческую жизнь. Тамошняя элита непринуждённо делилась интересными случаями и забавными с их точки зрения ситуациями, происходившими на их плантациях. То неудачный побег, то непонятливость рабов, то изощрённость наказаний.

Но самые интересные беседы начинались, когда утомлённые дамы расходились по домам, оставляя своих мужей одних, побыть, что называется, в мужском обществе. Во время одного из таких разговоров в нём и зародилась идея купить себе раба. Он жадно слушал рассказываемые приглушённым голосом истории о том, как господа развлекаются с рабынями, к каким извращениям тех принуждают, не слыша в ответ и намёка на отказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.